

Понимаю, следовательно, существую...

Познание и понимание

Исторически проблема понимания стала обсуждаться в сопоставлении с объяснением. Объяснение и понимание рассматривались как отличающиеся друг от друга методы познания, а в центре споров был вопрос об их отличии. Это направление исследований можно назвать «философско-методологическим». Но оно оказалось недостаточным. Вырвавшись за пределы специфического метода гуманитарных дисциплин и сопрягаясь с естествознанием, техническим знанием, а также духовно-практической сферой жизни людей, проблематика понимания естественным образом стала соотноситься с познанием вообще. После Э. Гуссерля она трансформировалась в задачу сопоставления понимания и познания в контексте положения человека в мире, восприятия им окружающей реальности. Поэтому она вышла за рамки гносеологии и методологии, стала философско-мировоззренческой, бытийной.

Р. Декарт, наиболее яркий и последовательный выразитель «объясняющей» рационалистической философии, определяя критерий бытийности нашего Я, провозгласил: *Cogito ergo sum*. Этот тезис обычно переводится как «мыслю, следовательно, существую». Однако его можно перевести и как «познаю, следовательно, существую». Ведь с позиций рационализма духовность человека тождественна сознанию (со-знанию), а рассмотренная как процесс, как «деятельность мысли» она становится, в сущности, тождественной познанию. Это означает, что при рационалистической трактовке реальности познание является некой субстанцией, созидающей активность, и в таком случае изменяться и существовать означает познавать. В современных контекстах субстанциализация мышления и познания выступает как сциентизм, а существование превращается в информацию, перестающую быть отражением чего-то другого, «информацией о». Она приобретает статус самостоятельной реальности.

Оппоненты рационализма выдвигали и выдвигают иные критерии бытия: переживание, восприятие, практика, вплоть до «люблю, следовательно, существую». Сциентизму противостоят экзистенциализм, философия жизни, герменевтико-феноменологические направления, ориентированные не на познание, а на понимание бытия. Но каков смысл подобного противостояния в условиях, когда сциентистская идеология опирается на бурное развитие информационной сферы культуры? Не воспроизводится ли она внутри самих критикующих ее течений, только в измененной форме? А главное, насколько успешно можно сопротивляться рационально-сциентистской экспансии, выходя под девизом: «Понимаю, следовательно, существую»?

Ситуация с проблемой понимания является типичным примером амбивалентного состояния современной духовности. С одной стороны, в ней прослеживается стремление сохранить целостность человеческого духа, предотвратить его превращение в чистую «знательность», в информацию, и спасение видится в переходе от познания к пониманию, а с другой — понимание начинает подменять генетически более фундаментальные пласты человеческого бытия — чувственность, переживание. Выявление амбивалентности философии понимания может способствовать выработке правильного отношения к тем или иным конкурирующим направлениям в ней, реалистической оценке призывов к «гуманитаризации науки». Но для этого надо предварительно решить вопрос,

Кутырев В. М. — доктор философских наук, профессор Нижегородского архитектурно-строительного института.

почему так возрос интерес к проблеме понимания и из одного, не слитком укорененного в истории философии течения (от В. Дильтея, в явном виде поставившего проблему понимания, нас не отделяет и сто лет, в то время как за многими другими направлениями — тысячелетия) оно трансформировалось в особый тип духовности, сравнимый по влиянию с познанием? Ответ, видимо, следует искать в изменениях окружающего мира в целом и самого познания в нем, его роли и структуры.

Чтобы зафиксировать границу, за которой знание перестает быть тождественным пониманию, прислушаемся для начала к гению языка. С легкостью соглашаясь с разделением этих понятий, не стоит забывать, что еще недавно такое разделение показалось бы очень странным, ибо какое знание может быть без понимания. И наоборот, если не понимаешь, то и не знаешь. Объяснить — значит сделать свое знание понятным для другого.оборот «ясно—понятно» — синонимическая пара.

Этимологический анализ подсказывает, что за словом «понимаю» стояло «имею», нечто понимать предполагало сделать его своим, иметь. «Имение» было тесно связано с «умением», практическим знанием, действием. Ум-ный — значит ум-елый и как следствие «имелый». В библейской фразе «И Адам познал Еву» смысловая тождественность знания, умения и имени проявляется совершенно определенно. В ней выражено древнесинкретическое представление о познании. Умные отделяются от умелых в течение веков, по мере разделения труда, важнейшим компонентом которого было отделение знания от опыта, теории от практики. В процессе дальнейшего развития познание становится самостоятельной сферой человеческой деятельности, отделяясь не только от умения, но и от мудрости, от здравого смысла. Оно превращается в сугубо специальное занятие, в науку как особый социальный институт.

На первом этапе профессионализации научного познания связь с природной реальностью достаточно непосредственная. Классическая наука XVII—XIX веков, различая чувственное и рациональное знание, по сути своей была эмпирической. Утверждение И. Ньютона «гипотез не измышляю» означало, что самые абстрактные положения он выводил либо прямо из опыта, либо из его мысленных экстраполяции. Постепенно, однако, доля теоретического внутри науки росла, оно надстраивалось над чувственными данными и экспериментом, приобретало самостоятельное значение. Теории перестают быть обобщением опыта, даже мысленного, и начинают ему предшествовать, задавать его цели. Они пред-опытные, до-чувственные. Принцип «от живого созерцания к абстрактному мышлению», выражающий суть натуралистического подхода к миру, лишается действительности. В этом, собственно говоря, и заключался революционный переворот в науке XX века, сделавший ее «неклассической».

Содержание современной научной работы не требует развернутого доказательства первичности абстракций в ней. Выделение объектов познания зависит от метода. Говорят о физической, биологической, экономической, исторической и других реальностях. Их столько, сколько наук. Предмет исследования определяется теорией, образ заменяется моделью, а наглядность имеет вторичную, «производную» природу. Это, как показал М. Мамардашвили, «абстрактные образы, являющиеся знаками и символами отношений реальности и обнаруживающиеся в науке в виде привычных образов физического следования, воображаемых стержней, соединяющих части предметов, движущихся контуров и обобщенных пространственных представлений, кинетических и динамических схем... Все они являются в то же время образами самой активности, акта конструирования (творческое воображение лишь предметно их воплощает и выполняет)»¹.

По вопросу соотношения теории с эмпирией преимуществом стали пользоваться взгляды, признающие не два качественно разных типа знания — эмпирическое и теоретическое, а один — теоретический, вернее, разные уровни теоретизации. «Научное знание неделимо; оно теоретично по существу» — вот лейтмотив нынешней методологии. Речь, таким образом, ведется о двух уровнях одного, интеллектуального, способа познания мира, а его чувственно-эмпирическое отражение как специальная познавательная деятельность не фиксируется. Дихотомия сенсуализма и рационализма, эмпирического и теоретического, сопровождающая всю историю классической науки, в XX веке весьма определенно разрешилась в пользу теоретического.

Полное отождествление научного знания с его теоретической формой происходит с появлением

¹ М а м а р д а ш в и л и М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968, с. 105—106.

понятия «информация» и превращением науки в проектно-техническую деятельность. Современная наука перестает быть отражением пред-данной ей действительности и творит новую, в основе которой лежат гипотеза, идея, цель, проект. От открытия мира человек переходит к его созданию, конструированию. Естествознание как таковое переживает кризис или, говоря определеннее, умирает, распадаясь, с одной стороны, на технокnowledge, системотехнику и технологию, а с другой — на экологию. Соответственно, обществознание разделяется на социальную технологию и гуманистику. Собственно познавательное отношение к миру снимается творческим, прежде всего в его конструирующем, инженерном варианте, вследствие чего проблема истины трансформируется в проблему эффективности.

В чем содержательное отличие понимания от знания и информации? Этот вопрос важно поставить потому, что, едва родившись, проблематика понимания во многих случаях утрачивает свои специфические черты и трактуется как процедурная разновидность познания, как кодирование и перекодирование информации, т. е. отождествляется с ними. В резюме редакции журнала «Вопросы философии» по итогам «круглого стола» на тему понимания отмечалось, что, хотя большинство участников обсуждения склонны включать понимание в более широкую сферу познания, эта точка зрения не является единственно возможной. Я думаю, сейчас главная задача состоит в том, чтобы раскрыть объективные, практико-исторические основания той или иной точки зрения на соотношение понимания и познания, обнажить ее бытийные корни.

Естественное и искусственное

Надо принять во внимание факт фундаментального значения: нас все больше окружает искусственная среда. Принять не как фразу, а с соответствующими мировоззренческими выводами.

Созданная человеком реальность обретает способность к саморазвитию, в результате чего у нее появляются черты, которых не было в замысле создателей и которые не предполагались поставленной ранее целью. Изменяясь по своим внутренним законам, искусственная реальность становится бытием, которое надо вновь познавать, а поскольку это бытие имело план и цель, то приходится говорить — «понимать». «Все мы лишь ходим по мелководью информационного океана и не в силах покорить его далей и глубин,— с некоторым удивлением и огорчением писал об этом С. Мейен.— Исследовать океан накопленного не легче, чем исследовать сам мир. И как раньше человечество придумало корабли, паруса, компас для дальнейших плаваний, так теперь наука все больше задумывается о средствах освоения океана знаний»³. Если Ньютон считал себя мальчиком, играющим на берегу океана непознанного, то мы начинаем чувствовать себя мальчиками на берегу океана познанного. Ситуация, в сущности, абсурдная, ибо все усилия, направленные на приращение знаний, увеличивают противостоящий нам океан.

Став реальностью, творение человека, сохраняясь в идеальном или опредмеченном состоянии, оказывается не просто «за» нами, но и «впереди» нас. «Книга», «текст» перестают быть сферой знания как отражения бытия, они превращаются в разновидность самого бытия. Мир как текст — пожалуй, второй (после теоретизации познания) мотив современной методологии. И оба они входят в так называемую «постмодернистскую науку» в качестве ее атрибутов. Великий Гете видел эту проблему более 100 лет назад: «Вместо того чтобы становиться между природой и субъектом, наука пытается стать на место природы и мало-помалу делается столь же непонятной, как последняя. Когда же здесь хочет высказаться наивный человек, получается печальный мистицизм, запутывающий этот лабиринт»⁴.

В таких обстоятельствах было бы странным ставить задачу познания знания в качестве главного средства преодоления абсурда. Очередное умножение информации, хотя бы и с благой целью «сжать» предыдущую, в принципе ничего не дает. Оно не поможет овладеть новой реальностью. Нужен сдвиг в способе ее освоения, что и выразилось во взрыве интереса к проблематике понимания. Насколько и как мир природы замещается миром культуры, настолько

² См. Понимание как философско-методологическая проблема. «Вопросы философии», 1986, № 9, с. 63.

³ Мейен С. В. Кто первым бросит камень?.. «Знание — сила», 1987, № 12, с. 75.

⁴ Гете И. В. Избранные философские произведения. М., 1964, с. 358.

познание распадается на: 1) информацию и чистый теоретизм, проектно-техническую деятельность; 2) понимание. Это методологический коррелят распада естествознания на технологию и экологию, обществознания на социологию и гуманистику. Модифицируя знаменитое положение Дильтея о познании и понимании применительно к современности, можно сказать: естественную дочеловеческую реальность мы познаем и преобразуем, а искусственную (социально-культурную, техническую) создаем и понимаем.

Задача освоения искусственной реальности возникает перед человеком в силу того, что информация становится автономной, приобретает «постчеловеческие» свойства. Информационно-технические системы начинают самоорганизовываться, а на определенном этапе — самопрограммироваться. По мере их усложнения «данными» становятся не отдельные сведения или конкретные параметры явлений (элементарная информация), а «знания», т. е. информация более сложная, организованная, структурированная. Образуются банки знаний, способные взаимодействовать с программами, генерировать новое знание. Знание не только обезличивается, но и обезчеловечивается. Существующий массив информации оказывается как бы структурной матрицей, порождающей другую информацию. Создается информационно-компьютерная наука, которая, определяясь, становится одним из основных факторов «отпадения» от человека созданного им мира, его превращения в противостоящую ему реальность.

Дальнейшим стимулом объективации и отчуждения артефактов от человека является внутренняя логика их функционирования. Специалисты, например, хорошо знают о феномене саморазвития транспортных сетей: новые дороги скорее появляются там, где дороги уже есть. Существуют и иные механизмы превращения средств в цели. Приведем такой пример: для удовлетворения какой-то потребности проектируется завод. Необходимость поставки материалов заставляет строить к нему дорогу. Построенную дорогу, чтобы она была эффективной, рационально соединить с уже имеющейся. Образуется транспортный узел, который целесообразно использовать полнее, поэтому встает вопрос о строительстве на том же месте еще одного завода. Размер города увеличивается несмотря на сознательные усилия по его ограничению и т. д. Важно признать факт: на каком-то этапе сложности развитие и функционирование создаваемых человеком систем неизбежно выходят за первоначально поставленные при их создании цели. В условиях сложного нелинейного взаимодействия рациональные по отдельности решения превращаются в иррациональные. Возникает «ловушка рациональности», выбраться из которой, действуя сугубо рационально, нельзя. Не случайно людям, плененным подобной рациональностью, все экологические требования обычно представляются безответственными и разрушительными⁵.

Поскольку современная цивилизация по самой своей сути опосредована техникой, машинами, она все чаще определяется как человеко-машинная. Положение достаточно признанное и говорит само за себя. Мы теперь в ней «не одни». Из понятия «человеко-машинный мир» вытекает, что человек становится фактором, компонентом некой более общей целостности. Наиболее яркий тому пример — функционирование систем искусственного интеллекта. Использование в языке понятия «человеческий фактор» стихийно отражает нашу новую роль в мире, в связи с чем особую сложность приобретает задача сохранения субъективности людей в рамках человеко-машинного взаимодействия, обеспечения приоритетности (именно приоритетности, а не первичности, так как последнее невозможно) живого труда в сравнении с овеществленным.

Иначе говоря, нам надо расстаться с представлением, что творение всегда будет зависеть от своего творца, будет ему понятным и подчиненным. Надо также расстаться с иллюзией, что обладание информацией тождественно знанию, а знание — пониманию и мудрости. Возникла ситуация, когда мы чем больше знаем, тем меньше понимаем. Это одна из глобальных проблем нашего существования в ноотехносфере. Как познание природы было уровнем жизни и развития человека, так понимание искусственной реальности является условием его выживания в ней. «Раз навсегда не хочу много знать», — клялся Ф. Ницше в прошлом веке. В наше время это клятва на понимание, в том числе и на понимание «понимания».

⁵ См. К у т ы р е в В. А. Человек в постчеловеческом мире: проблема выживания. «Природа», 1989, № 5.

Исследуя социально-исторические причины отщепления от древа познания нового ствола — понимания, — важно раскрыть его двойственную роль в адаптации человека к изменяющемуся миру. Поскольку представительство природного (применительно к человеку — телесно-чувственного) в сфере знания становится опосредованным, подвергается демпиризации, а также иной «дематериализации», изменяются и традиционные основания диалектических оппозиций, столь значимых в традиционной двузначной логике. Если в классической науке рациональное сопоставлялось с чувственным и интуитивным, то к XX веку данная оппозиция трансформировалась в «рациональное — иррациональное». Точкой отсчета стала рациональность. Если в классической науке сопоставлялись вещи и знаки, то в настоящее время — в русле связанного со становлением искусственной реальности мощного семиотического движения — вещи принято определять как «исторически первые знаки». В современном познании иррациональное квалифицируется как нерациональное, а в последнее время говорят о разных типах рациональности. Толкуют об эстетической, нравственной рациональности. Открываются центры скорого, «рационального», чтения, где человека обучают отсекаать возникающие в процессе чтения эмоции, образы, а потом и мысли как факторы, тормозящие темп усвоения информации. Все стало рациональным, только в неодинаковой степени.

Действуют, разумеется, и противоположные тенденции. В качестве шага к преодолению сциентизма в литературе стали подчеркивать самостоятельный статус внеучного знания (повседневного, духовно-практического), но при этом как-то не замечают, что самостоятельность моральных и религиозных форм бытийно укореняется уже не на почве жизни, а на почве знания. Не вписавшиеся в науку духовно-практические формы отношения к миру по-прежнему квалифицируются как знание, правда, «ненаучное». Бытийность все равно превращается в знательность, хотя окольным путем. Еще не так давно господствующее и — несмотря на «отказ» от него — постоянно воспроизводимое определение личности как совокупности общественных отношений выражает аналогичную тенденцию. Личность предстает при этом как набор социальных ролей и носитель информации, даже если не обращать внимания на то, что этот подход ведет к вульгарно-техническому отождествлению людей с роботизированным искусственным интеллектом.

Подавление окружающей природы, отражаясь на нашей внутренней природе и образе жизни, формирует соответствующее мировоззрение. Отсюда сравнения человека с «компьютером из мяса», разговоры об автотрофном питании, предложения «уйти в машину», стать физически бессмертными и тому подобные сциентистские фантазии. Есть и более тонкие мировоззренческие изменения. Усиливается дискредитация телесных форм бытия. Корень всех проблем видится в дефиците духовности, которую принято считать почти абсолютным благом. Однако это опрометчиво. Фанатики от науки для удовлетворения своей «духовной» страсти к познанию готовы создать что угодно и пожертвовать чем угодно. Они противятся всякому регулирующему вмешательству в свою деятельность, хотя иногда она превращается в откровенное научное хулиганство. Изобретаются особые очки для разрезания торта, машина для подсчета волос на голове, аппарат наклона тарелки при доедании супа — и все под прикрытием священного ореола творчества. Духовность, познание, творчество ставятся как бы выше добра и зла. Если раньше нравственные нормы обуздывали страсти тела, теперь они должны обуздывать прежде всего страсти ума. Если в первом случае специфически человеческим было то, что отличает нас от других форм жизни, теперь специфически человеческим является все, что отличает нас от техники. Нужен новый взгляд на критерии гуманизма.

Пора понять, что за вакханалией призывов к духовности все чаще скрываются пренебрежение к конкретной жизни, к природе вещей, тенденция к их замене информацией. Упования на духовность становятся в таком случае ширмой этого процесса, а сама духовность лишается души, ибо душа — это внутренние духовные чувства, базой которых являются чувства внешние. Деградация последних ведет к атрофии первых, того, что мы называем деятельной любовью, волей, дружбой, милосердием, верой, восприятием красоты. Вялость желаний, отказ от поступков и прочие проявления «гиподинамии души» есть, говоря в широком плане, следствие гиподинамии тела. Жалобы на потерю смысла жизни весьма часто, особенно у интеллектуалов, скрывают потерю чувства жизни. Кризис эмоциональности превращает духовность в целеполагание, в рационально-теоретическое знание и расчет, в информацию. Человек «духовный» становится человеком бездушным. В подобном качестве он сближается с системами искусственного интеллекта, но никогда их не догонит, ибо

техноэволюция развивается быстрее биоэволюции и соревноваться с ними в уровне рациональности достаточно бесперспективно.

С. Кьеркегор писал, что ученые не любят, не верят, не чувствуют. Они знают, что есть любовь, вера, чувства. Они не переживают мир, а осознают его. Это можно считать характеристикой сциентизма как формы бытия, представляющей главную опасность для духовной жизни человека, грозящей ему дегуманизацией. Она особенно опасна для профессиональных производителей знания, объективно от них отчуждающегося и одновременно окружающего их как повседневная реальность. Единственным средством связи с жизнью в этом случае является понимание. В нем представительствуют предметность, эмпирия, чувственность. «Понимать» — это то, что можно требовать от самого специализированного интеллектуала. Именно требовать, ибо без способности понимания он так же страшен, как вырвавшаяся из-под человеческого контроля техника.

Понимание как форма преодоления сциентизма опирается на чувственно-предметное отношение к жизни, на присутствие во всех ее атрибутивных проявлениях. Оно выступает как средство связи знания, информации, искусственной реальности с их исходной жизненной основой. Это мост между «первой» и «второй» природой. Неклассическая проектно-техническая наука имеет дело с возможными мирами. А для жизни нужна «наша реализация» возможных миров, приведение почти безграничных технологических потенциалов искусственной реальности к мере человека как целостного телесно-духовного существа, имеющего как информационные, так и субстратные параметры, свои антропологические константы.

Понимание — минимальное требование, которое можно предъявить к человеку, чья душа еще не опустошена разрозненной технической цивилизацией. Не опустошена, но подавлена. Призывая к пониманию, не следует забывать: в определенном отношении оно выступает как зло, хотя и меньшее в сравнении с чистой информационностью. Свидетельствуя о наличии в наших действиях чувств, оно в то же время является их снятием, сублимацией.

Трещина, проходящая через душу современного человека, особенно ярко прослеживается в искусстве. В отличие от науки оно всегда считалось бастионом образности, чувств и переживания, заповедником человеческого. Сейчас, увы! Бастион почти разрушен, заповедник истоптан. Научно-техническое перерождение духовности ведет к потере доминирующей роли чувственного в нем. Для чувств в сфере культуры не остается места. Художественные произведения почти всех жанров превращаются в разгадывание смысла, в изложение концепции, в игру ума. Их специфицирующей (в сравнении с научной продукцией) чертой являются лишь бесполезность, неприменимость в производстве. «Авангардное искусство отказывается вносить в изображаемый предмет человеческие чувства — отказывается, в частности, рисовать „живые образы людей“, которые можно было бы переживать. Ничего ужасного здесь вообще-то нет: гуманистическими, если употреблять слово в точном значении, должно считать не книги „про людей“, а книги для людей — книги, стимулирующие в человеке духовную работу, возбуждающие в нем добрые чувства»⁶.

Такой вот фокус! Не про чувства, не про переживания и даже не про людей, но «для людей». Ампутация человека ради человека, о благотельном влиянии которой на него, впрочем, узнать и рассказать нельзя — ведь это было бы «про людей». Хотим ли мы обвинить автора данной апологии авангардизма (одной из многих, пишущихся по инерции, ибо в защите авангардизм давно не нуждается) в недобросовестности? Пожалуй, нет. Только в непоследовательности, проистекающей из его не до конца преодоленной принадлежности к человеческому роду. Он не решается отбросить последний фиговый листок, прикрывающий функциональную наготу таких произведений, и хочет «прицепить» к ним «гуманизм».

Мне возражат, что авангардизм не исчерпывается концептуализмом и функционализмом. Однако главное не в этом: если жизнь становится утопией и у миллионов людей вместо душевных чувств, эстетического, нравственного или религиозного опыта остаются «нервы» да способность вычислять, проектировать и разгадывать композиции, то нельзя не признать их право на соответствующее самовыражение. И на своих идеологов. И на постмодернизм как тип культуры. Таково состояние нашей духовности или, говоря модным сегодня языком, ментальности (замена термина лишней раз свидетельствует о происходящем истощении духа до интеллекта). Единственное предложение:

⁶ Зенкин С. Священно ли завещанное? Poleмические заметки об одной эстетической традиции. «Литературное обозрение», 1989, № 7, с. 90.

может быть, такого рода деятельность следует причислять не к искусству, а к разновидности прикладной науки или «науке досуга»? Тем более, что постепенно она перейдет на компьютерное обеспечение, а потом целиком будет выполняться машинами (компьютерная графика, электронная музыка, вероятностное стихосложение). Из всех жанров данного «науко-искусства» человеческим останется программирование, да и то на некоторое время, пока не будет вытеснено самопрограммированием.

Однако, несмотря на экспансию сциентизма, многие сохраняют потребность в проявлении своих чувств, продолжая ориентироваться на искусство «живых образов», вплоть до поп-арта и натурализма. И пока существует «традиционный» человек, такое искусство неистребимо. Время от времени оно поднимает восстание против засилья концептуализма, прорываясь в каком-то новом жанре или возрождая старые. В действительной жизни обе линии развития взаимодействуют, переплетаются и соперничают. Их органическим средоточием является искусство, ориентированное на выражение духовной реальности. Не на реализм как материализм, и не на концептуализм как игру с информацией, а на реальность духа, включая сферу бессознательного (сюрреализм). Его можно назвать «искусством понимания». Оно содержит в себе гуманистическое начало и в сложившихся обстоятельствах помогает выживанию человечества. Если же ориентация на духовную реальность переносится на жизнь и жизненная реальность сводится к духовной, а отношение к ней ограничивается пониманием, то такая жизнь ущербна, кастрирована.

Люди, которые могут сказать о себе «понимаю, следовательно, существую», способны вести глубокий, проникновенный разговор, они пишут прекрасные книги, высказывают пронизательные суждения о прошлом и будущем, о вере и безверии, о жизни и смерти. Они по-настоящему умны и бывают знамениты. Но... не больше. Это люди культуры. Они любят всех и никого. Улыбаясь, они не смеются. Смеяться — вульгарно. Известно, что смех — веселье сердца, улыбка — веселье ума. С ростом образованности улыбка становится все более иронической, грозящей перейти в «свое другое». Но во что? Ведь они не плачут. Плакать — не культурно. «Не плакать, не смеяться, а понимать» — таков девиз мудрого... или равнодушного... или постепенно теряющего душу. Христос в «Апокалипсисе» Иоанна Богослова о таких существах говорит: «Знаю твои дела: ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». Даже любовь к женщине замещается все более пассивным, так называемым «малым сексом» или даже просто визуализмом и порнографией. Боюсь, что смеяться, плакать и любить скоро будет уделом плебеев, людей необразованных, погрязших в жизни и не ценящих технокультуру.

«Есть люди,— писал П. Чаадаев,— которые умом создают себе сердце, другие сердцем создают себе ум; последние успевают больше первых, потому что в чувстве гораздо больше разума, чем в разуме чувств»⁷. Современные люди идут по первому пути. И то самые жизнестойкие. А сколько «жертв культуры»! Не в смысле Фрейда, страданий от различных комплексов, хотя есть и такие. А в смысле отчужденного от жизни интеллектуализма. Они считаются нормальными, так как социально вполне функциональны. Может быть, более нормальными и функциональными, чем люди, имеющие душу, чем те, кто «медленно читают», тратят время на созерцание или вместо того, чтобы написать очередную книгу, посвященную судьбе всего человечества, заботятся об одном живом человеке.

Особенно тягостное впечатление производят «понимающие дети». С рождения они окружены знаками и символами, видели все, что существует в этом мире, но на экране телевизора, и почти не знакомы с физической сутью вещей; отсюда их преждевременный ум, так восхищающий культурного обывателя, взрослые обороты речи и полная потеря непосредственности. С печальными глазами, посещающие все возможные школы, они бледны, как дети подземелья. Или деловито-циничны, как предприниматели. Что ждет их в дальнейшем? Ведь для таланта нужна *animò allegro* — играющая душа. А если ее не было даже в детстве? Поработанные серьезностью, они либо совсем превратятся в одинокие холодные существа, в роботов нулевого поколения, либо, не выдержав бесчувственного функционирования, будут прибегать к искусственному стимулированию радости — к наркотикам.

Во второй половине XX века наркомания перестала быть болезнью личности. Она превратилась

⁷ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989, с. 180.

в болезнь человеческого рода, в духовный СПИД цивилизации, в химическую компенсацию потери чувства жизни. Немногие прорвутся между Сциллой интеллектуализма и Харибдой патологической чувственности. И то при условии правильного выбора стратегии выживания, включающей борьбу за сохранение «традиционного» человека, природной среды его обитания, за коэволюцию естественного и искусственного.

Абсолютизация понимания и духовности не соответствует идеалу гуманизма, который так или иначе связан с эмпиризмом и материализмом. «„Человек" всегда остается призрачной фигурой,— осмелюсь вопреки духовной конъюнктуре, сослаться на Ф. Энгельса,— если его основой не является эмпирический человек. Одним словом, мы должны исходить из эмпиризма и материализма, если хотим, чтобы идеи и, в особенности, наш „человек" были чем-то реальным; мы должны всеобщее вывести из единичного, а не из самого себя или из ничего, как Гегель»⁸.

Не соответствует это, как ни покажется кому-либо странным, и христианскому представлению о жизни земного человека. На «нашем свете» дух Богочеловека (тем более просто человека) пребывает в неразрывности с чувственностью, со своим телом. Тогда он живой и животворящий. Дух без тела — это уже «тот свет». К гностицизму христианская церковь всегда относилась как к ереси, что, наверное, социально оправдано и сейчас. Он особенно чужд русской религиозной и философской традиции с ее тягой к «всеединству» истины, добра и красоты, к софии, а не логосу.

Сегодня, при общем доминировании проектно-технического разума и искусственной реальности, «человек духовный» неизбежно обрекается на прагматизм, на избыточную рационализацию, а в межчеловеческих отношениях — на отчуждение. Нашим идеалом должен быть не человек духовный, а «человек целостный», представляющий собой своеобразный телесно-духовный континуум (о гармонии мы уже не говорим). Понимание как форма существования человека в искусственной реальности, как способ выживания в ней возможно только при наличии обоих полюсов — тела и духа, материального и идеального. Их взаимодействие — лезвие бритвы, последний редут гуманизма, за которым сверхсовершенные роботы, транспьютеры, новые биосистемы и еще много чего другого, все более прогрессивного. Но для нас это — Ничто. И мы на его границе.

Понимаю, следовательно, существую!

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 12.